

Сам Сарав, где кормился у Яковъ Гришанин надев-
ланной Новехонским парадным сегомъ кибь,
сунула ему в руку пѣчий, ~~маленький~~ теплый,
бѣлыйя ея груди, матерчатой комок, и ста-
нула рукой за пазуху и краснея, глядя на
Гришанина, наминающаго въ влюбленными глазами.
Григорій осветил ея бѣлизною волговъ своихъ зубъ,
спросилъ зашита въ кулаке теплой комок.

— Uomo d'oro.

— там уродив.

Григорий перешитально пристынул ее к себе,
хотел поцеловать поцеловал губы, но она
с силой утерлась ему в грудь руками, перегну-
лась назад и со страхом метнула глазами
на окна дома.

— Yougem!

— А нехай.

— Cole can do...

[illegible]

21.

Всходит остролистая зеленая пшеница, растет,
через полтора месяца угаз крошится в ней с
половою - и не видно; тает из земли софа, со-
сет, выколосит взрывает Верно паруса и
алажик молока; потом зацветет, золотая
паша кроет колос, хозяин войдет в стеньгу
не карацет. Откуда не возникнет забор в
хлеба ^{маленького} скотика: ископатели, нет в паротъ за-
тологичи груда колоса, там еще волеясе
по хлебу - крупина принятого хлеба... дико
и шрыб поведет. Так и с Анисей: на воз-
ревшие в золотом цветении цветки наступит
ушица тяжелой сжатой пириной с
зимой презового дельта; испепели, испогани
и все. Пусть и обидело, как на заботом,
хитре Кирешиа Победою и бурзаном, гурине
стало на душе у Анисей после того, как
приняла с Мелеховою оирова, из поделанных
Шела и Шела пошол платки, а горло растирал